

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Черниговского
Михаила Максимовича на тему: «МУЗЫКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕВРОПЫ В 30-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по научной специальности 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

История культурных связей России и Европы в новое время – одна из «вечных» тем исторической науки, которая всегда была, есть и будет чрезвычайно актуальной и значимой. Ее изучение позволяет не просто определить место нашей страны в цивилизационной системе координат, но также осмыслить и осознать уникальность Отечественной культуры, ее глобальный масштаб, всемирно-историческое значение и одновременно ее глубинную связь с мировой культурой.

М.М. Черниговский посвятил свое диссертационное исследование различным аспектам русско-европейских контактов в области музыки в 30-е гг. XVIII в. – то есть в царствование Анны Иоанновны (1730–1740). Это был переломный момент в истории музыкальной культуры страны – если в Петровскую эпоху музыка играла скорее «прикладное значение», то теперь в «верхах» получила распространение европейская театральная и концертная музыка.

В данной работе музыкальное искусство представляется в качестве одной из движущих сил процесса легитимации имперского статуса России на международной арене и атрибута европейского имиджа российского абсолютизма в 30-е годы XVIII века. Такой подход, представляется вполне оправданным.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные документы, материалы периодической печати того времени («Санкт-

Петербургские ведомости», «Примечания» к «Санкт-Петербургским ведомостям»), а также нотные издания.

Автор хорошо знаком с работами историков и искусствоведов, так или иначе затрагивающих проблематику его исследования. Обзор этих работ приводится в первой главе диссертации (с. 30–40).

М.М. Черниговский попытался создать комплексное исследование, затрагивающее разные аспекты музыкальной жизни русского двора в эпоху Анны Иоанновны: от описания первых оперных и балетных постановок и анализа аллегорических изображений в первых русских нотных изданиях до проблем, связанных с приглашением в Россию иностранных музыкантов и артистов.

Можно согласиться с выводом диссертанта о том, что «в 30-е годы XVIII века создавались условия для начала продолжительного процесса приобретения нашей страной автономии и самостоятельности в оперном искусстве».

К числу достижений автора можно отнести предложенную им авторскую периодизацию начального этапа развития российского хореографического образования (с. 79–80).

В то же время работа не лишена недостатков. Наиболее существенными, на наш взгляд являются следующие моменты.

- Хотя во введении автор декларирует свою приверженность принципу историзма (с. 13), в работе он, на наш взгляд, пренебрегает таким важным его аспектом, как необходимость рассматривать те или иные события в историческом контексте. Очевидно, что оценить масштаб и значимость тех изменений, которые происходили в русской музыкальной жизни в 1730-е гг. равно как и установить политическое и символическое значение оперных и балетных постановок, можно только сопоставив все это с

аналогичными процессами и явлениями музыкально-театральной жизни других европейских стран, на которые Россия пыталась равняться.

- Заявив, что работа посвящена музыкальным связям Российской Империи и Европы, диссертант ограничивается лишь упоминаниями о «музыкальной составляющей» связей между двором Анны и Иоанновны и двором польского короля и саксонского курфюрста Августа II, а также о приглашении в Санкт-Петербург итальянских актеров и исполнителей. О контактах с другими европейскими странами – в том числе с такими законодателями музыкальной моды того времени, как Австрия и Франция в работе ничего не говорится!

- В поле зрения диссертанта почему-то не попали такие аспекты русско-европейских музыкальных связей как военная музыка. Заимствования здесь начались еще в Петровское время, при этом очевидно, что марши звучали тогда существенно чаще и в гораздо большем количестве мест, чем какие-либо другие произведения.

- На наш взгляд автор не в полной мере затрагивает такой важный момент как проникновение и распространение в России европейской камерной музыки. М.М. Черниговский останавливается только на тех произведениях, которые были написаны непосредственно в России (цикл сонат Л. Мадониса). Однако, очевидно, что при русском дворе, а также в отдельных аристократических домах звучали и другие произведения.

- Вызывает недоумение утверждение диссертанта о «межгосударственных музыкальных связях России и Европы» (стр. 88). Представляется, что применительно к рассматриваемому в работе периоду русско-европейские контакты в области музыки не носили (да и не могли носить) межгосударственного характера.

- Очень спорным представляется вывод автора к разделу 2.1 о том, что «интегрируя европейские традиции культуры и, в частности, музы-

кального искусства, задача российского двора, заключалась не в проведении политики подражательства западноевропейским традициям и явлениям культурно-музыкальной жизни, а в создании таких условий и обстановки, при которых российская культура и её формы являются доступными для восприятия и понимания со стороны представителей западноевропейского общества» (с. 62-63). Из этой фразы (которая сама по себе построена стилистически неграмотно), во-первых, непонятно, куда именно интегрировались «европейские традиции культуры». Во-вторых, совершенно неясно, что имеется в виду под «созданием <...> условий, при которых российская культура и её формы являются доступными для восприятия и понимания со стороны представителей западноевропейского общества». Тем более, что автор ничего не говорит о том, что это были за «условия» (и были ли они вообще).

- Из фразы «В 1735 году после заключения в Италии контракта с посланником из России П. Мира» (с. 69) можно ошибочно подумать, будто бы Мира был дипломатом, хотя на самом деле он был актером и музыкантом, а в Санкт-Петербурге стал, по сути, придворным шутком Анны Иоанновны. С некоторой натяжкой его можно назвать «антрепренером» или «агентом» русского двора. Также, безусловно, требуется уточнить о каком именно итальянском государстве идет речь.

- Сложно согласиться с утверждением М.М. Черниговского, что присутствие дипломатических представителей на премьере оперы было вызвано их стремлением «наблюдать за российскими культурными процессами» (с. 69–70). Скорее оно было продиктовано необходимостью постоянно присутствовать при дворе (участие в придворных увеселениях в то время было обязанностью дипломата, причем далеко не всегда приятной).

- Не совсем понятно, что имеется в виду под «балансом сил в культурном диалоге России и Европы» (с. 72). Очевидно, что в области музыки

(да и не только) ни о каком «балансе сил» применительно к рассматриваемому периоду говорить не приходилось.

- В списке источников и литературы диссертации упоминается дело из РГАДА (ф. 30 Новые дела) (с. 125), однако ссылок на него в тексте диссертации обнаружить не удалось. Здесь же можно посоветовать, что автор не обратил внимания на другие архивные фонды, где содержатся документы так или иначе относящиеся к теме его исследования (см., например, РГАДА, ф. 139 «Комедиальные дела»).

- Остается загадкой, что имел в виду автор, заявляя следующее: «Постепенно вживание в российское культурное пространство европейских музыкально-театральных традиций должно было исключить какой-либо аргумент, подтверждающий то, что Россия не является передовой державой в международном культурно-эстетическом процессе» (с. 71).

- М.М. Черниговский посвятил отдельный параграф известным столичным празднованиям 6 (17) февраля 1740 г. – шутовской свадьбой в «Ледяном доме» с участием представителей различных народов Российской империи (с. 82–87). Однако из текста совершенно непонятно, какова была музыкальная составляющая этих празднеств. Этот аспект упоминается только в цитируемом автором свидетельстве современника о том, что «протчей свадебный поезд вышеписанных народов» ехал в том числе «с принадлежащей каждому роду музыкалией». О том, что это была за «музыкалия» никаких свидетельств нет. Но напрашивается умозаключение, что это была народная музыка (а не какие-либо иные произведения) – а раз так, то к русско-европейским музыкальным связям данный сюжет вообще напрямую не относится.

- Вряд ли применительно к 1730-м гг. можно говорить о наличии у Российской Империи, сколько-нибудь выраженной «внешней культурной

политики» (с. 63), а также о «внедрении европейской культурной политики» (очевидно, что таковой еще просто не было).

- Диссертант неоднократно ссылается на некие «Экспертные заключения», не приводя их выходных данных (прим. 192, 193, 195, 205, 206, 208 и др.). В научно-квалификационной работе этого следует избегать.

Переходя к более частным замечаниям, отметим следующее.

- Представляется неуместным употребление в работе терминов «интеграционные процессы» (с. 63) и «интеграция» (с. 98). Скорее можно говорить о «культурном трансфере» и «трансляция знания», однако эти термины диссертантом не употребляются. Также применительно к XVIII в. вряд ли уместно говорить об «истэблишменте».

- Не следует называть двор «особым историко-политическим явлением» (с. 58); здесь был бы уместен термин «институт».

- То, что у Третьяковского были неприятности из-за слова «императрикс» – широко известный факт, а не частное мнение П.П.Пекарского, как можно подумать из текста (с. 99–100).

- Библиотека РАН находится в Санкт-Петербурге, а не в Москве (как утверждается на с.101).

- Цитировать книги, изданные в России до 1917 г., принято с использованием современного алфавита.

- Русское дворянство представляло собой не «государственный класс» (с. 115), а правящий.

- В тексте встречаются повторы и необязательные экскурсы в общеизвестные сюжеты (см., например, с. 45, где говорится о том, что из себя представляет Полное собрание законов Российской Империи);

- Периодически встречаются стилистические ошибки и опечатки (см., например, стр. 60, 61, 64, 67, 68, 80 и др.).

С учетом всего вышесказанного полагаю, что

- содержание диссертации Черниговского Михаила Максимовича на тему: «МУЗЫКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕВРОПЫ В 30-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА», соответствует специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики;

- диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Председатель диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры американских исследований СПбГУ

Ю.Г. Акимов

12 февраля 2024 г.

